

ИЗ АРХИВА ЮЛИЯ БУНИНА

Первая публикация Ю.А. Бунина (1857-1921) «Несколько слов о прошлом русского социализма и о задачах интеллигенции» вышла под псевдонимом Алексеев в 1883 году в харьковской нелегальной народнической типографии. В дореволюционной прессе появилось еще несколько его публикаций, из-за которых ему пришлось перейти на нелегальное положение. В сентябре 1884 года он был арестован и год провел в харьковской тюрьме, а затем отдан под надзор полиции и сослан в имение родителей. В 1889 году вернулся в Харьков и работал статистиком, позже переехал в Полтаву, где заведовал Статистическим бюро Полтавского губернского земства и начал печататься в легальной прессе.

В автобиографии Ю.Бунин написал, что, живя в Полтаве, был в числе основателей и инициаторов открытия многих культурных организаций (публичных библиотек, народных читален, общества содействия физическому развитию детей, общества потребителей, интеллигентского клуба и проч.)*. Ему принадлежат написанные в этот период работы «по основной и текущей земской статистике и по разным вопросам земского хозяйства (экономика, народное образование и др.)». Он сотрудничал со многими газетами и журналами юга России, входил в редколлегию «Полтавских губернских ведомостей» и еженедельника «Хуторянин». После переезда в Москву в 1897-м редактировал педагогический журнал «Вестник воспитания» и писал для разных московских изданий («Русская мысль», «Путь», «Заря», «Журналист» и др.). К сожалению, журналистское наследие Ю.А. Бунина не собрано и не систематизировано. В государственных архивах сохранились черновые автографы многих его статей, которые по каким-то причинам не были опубликованы. Две из них, из Отдела рукописей РГБ, мы предлагаем вниманию читателей, так

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

* Бунин Юл. Автобиография. ЦГАЛИ. Ф. 1292, оп. 2, ед. хр. 1, л. 2.

как, на наш взгляд, они представляют интерес и сегодня.

27 июля 1918 года Ю.Бунин писал М.П. Гальперину: «Посылаю Вам очерк об Ушинском и очень прошу Вас, если возможно, ознакомиться с ним поскорее и уведомить меня». Неизвестно, ответил ли Гальперин на письмо. Очерк Ю.Бунина об Ушинском среди опубликованных материалов также найти не удалось, здесь его первая публикация.

«Из жизни провинции в 90-х годах» — это воспоминания о Полтаве, с которой связана и часть биографии И.А. Бунина; он часто приезжал сюда, подолгу жил у брата, они оба любили Украину. В примечаниях к

статье Л.А. Женжурист «Из воспоминаний о Полтаве», опубликованной в «Литературном наследстве» (Иван Бунин. Т. 84. Кн. вторая), работа Ю.Бунина частично цитировалась. Полностью статья публикуется впервые.

Мы решили сохранить фрагменты, которые в рукописи были зачеркнуты, выделив их курсивом. Подчеркивания в тексте заменены полужирным курсивом. Фотографии Ю.А. Бунина предоставлены Орловским государственным литературным музеем И.С. Тургенева.

Тамара ГОРДИЕНКО

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ УШИНСКИЙ*

Лет шестьдесят тому назад наши крестьяне были еще крепостными рабами помещиков. В то время только что кончилась война России с Францией, Англией и Турцией. Войну начал царь Николай I и говорил, что нас победить нельзя, что мы шапками можем закидать наших врагов. Дело, однако, кончилось не так, как думал Николай I. Он не понимал того, что побеждать может только просвещенный народ. Такими были тогда наши неприятели — англичане и французы. Поэтому они нас и победили.

Царствование Николая I было вообще тяжелым для нашего отечества. В особенности мрачным был конец этого царствования, когда в других странах начались мятежи и революции. В Австрии восстали тогда венгры, и царь послал войска усмирять их, а у себя в России он и вовсе не церемонился. За всякий пустяк арестовывали, ссылали на поселение в Сибирь и на каторгу, наказывали плетьюми, и никто не смел громко говорить или писать против таких порядков. Царь во всем полагался на полицейских и жандармов. Он даже про помещиков говорил: «У меня есть сорок тысяч полицмейстеров». Чиновники жили главным образом взятками. Без взятки ничего нельзя было поделать и в судах. Бедные люди не могли найти в них правды. Дела тянулись годами, а иногда даже десятками лет. Недаром это называлось *судебной волокитой*. Тогда

* Статья Ю.А. Бунина. Черновой автограф. Чернила, пометы карандашом, много зачеркиваний, исправлений. Написана примерно в 1917-1918 годах (датируется по содержанию). 34 л.: лл. 5, 6, 20, 21, 29, 34, 35 с оборотом. НИ ОР РГБ, ф. 612, к. 1, ед. хр. 11.

почти совсем не было выборных людей, как теперь земские или городские гласные, которые устраивают лечебницы, приюты, школы, проводят шоссе и другие дороги и вообще заботятся о жителях. В то время всеми такими делами заправляли не выборные люди, а назначенные начальством чиновники. Не было тогда и настоящего войска. Господ в солдаты не брали, а делали через несколько лет наборы из простого народа — из крестьян и мещан, которые считались в то время *податными сословиями*. В солдаты забирали лет на 20-25, а за разные провинности иногда отдавали на вторичную службу, то есть обыкновенно уже на всю жизнь. В войсках были самые строгие наказания — нередко солдат до смерти забивали палочными ударами. Розги и побои были везде — в семьях, школах, в помещичьих экономиях, где часто немилосердно наказывали не только взрослых, но даже стариков и женщин. Народу жить становилось не под силу, и он начал волноваться, поджигать усадьбы, убивать помещиков, скрываться от них в бегах. К концу царствования Николая I бунты стали все более и более усиливаться, и помещичье хозяйство начало ухудшаться.

Многие помещики увидели, что хозяйство выгоднее вести трудом наемных рабочих, как это делалось за границей, а иногда и у нас, а не трудом крепостных крестьян.

Более образованные и более совестливые люди из дворян уже давно сознавали, что первым делом надо освободить крестьян, улучшить их положение и изменить все наши государственные порядки.

Таким образом, несчастная война, народные волнения и требования образованного общества заставили нового царя — Александра II, вступившего на престол после смерти Николая I в 1855 году, приступить к освобождению крестьян от помещиков и улучшению всех наших порядков. В первую половину царствования Александра II все это действительно делалось, и поэтому это время называется у нас *эпохой великих реформ*, то есть преобразований или улучшений нашей жизни.

Однако нелегко было это сделать, и главным образом потому, что тогда у нас была почти полная тьма и невежество. Правда, в России уже давно, начиная с половины позапрошлого столетия, среди дворян, в особенности богатых, и отчасти среди духовенства начало распространяться образование, а к началу царствования Александра II у нас были уже и свои знаменитые писатели, ученые, художники, музыканты и проч., но и в это время их было слишком мало, а наибольшая часть общества из народа или не имела никакого образования, или получала его в уродливом виде.

Дворянство воспитывалось тогда преимущественно в закрытых учебных заведениях — в кадетских корпусах, институтах и пансионах. Больше всего заботились в кадетских корпусах о строгом порядке и выправке как в казармах, так и в женских учебных заведениях — институтах и пансионах, о том, чтобы барышни умели хорошо держать себя в гостинных. Семейная же и общественная жизнь создавала у дворянских детей множество пороков: лень, отвращение к труду, бесхарактерность и т.д. Во многих романах, рассказах и воспоминаниях все это хорошо описано. Воспитание духовенства было еще хуже. Кто хочет узнать, какое это было воспитание, пусть прочтет, напр[имер], «Очерки бурсь» Помяловского. Тогда он увидит, что вместо воспитания и образования там были: бессмысленная зубрежка, обманы учителей, которые сами беспощадно били учеников, драки, пьянство и вообще невообразимая грубость.

Купечество того времени описано главным образом в комедиях Островского. Вся жизнь купечества была так груба и жестока, что по этим комедиям ее называли «темным царством».

Еще хуже, жальче и невежественней была жизнь мещанства. Там царили беспросветная нужда и тьма. Хорошее описание этой несчастной жизни имеется в очерках Глеба Успенского «Нравы Растеряевой улицы».

О воспитании и образовании крестьян и вовсе говорить не приходится, так как ни того, ни другого совсем тогда не существовало. Профессор Янсон¹ говорил, напр[имер], что в 1868 году в Цетлужском уезде Костромской губернии из 1000 мужчин грамотных было только 48, а из 1000 женщин всего 3.

Вот как ничтожно было просвещение в нашем отечестве, когда крепостной народ освободился наконец от векового рабства. Чтобы провести на деле, а не на бумаге только все необходимые преобразования, нужно было прежде всего подумать о том, как улучшить наше образование и воспитание, начиная с низшего сословия и кончая высшим. Так это тогда и случилось. Писательница Е.Н. Водовозова² пишет, что в эпоху реформ «все вдруг бросились учиться и учить других, начали думать, читать, высказывать вслух свои мысли, требовать от всех и для всех общественной деятельности и просвещения».

«После реформы 19 февраля 1861 года, — говорит известный педагог П.Ф. Каптерев³, — весь русский народ захотел “зажить по-новому, более свободной, разумной, человеческой жизнью, к тому же он стал готовить и своих детей”. Одни бросились за границу, чтобы поучиться педагогике у более просвещенных соседей, другие принялись дома заводить всякие школы, третьи взялись за сочинение и издание педагогических книжек, журналов и учебников, четвертые хлопотали об устройстве педагогических кружков, съездов и т.п.

Всюду было оживление, бодрость. Проглянуло светлое весеннее солнышко, растопило снег и лед, и побежали и зажурчали всюду ручейки: мертвый сезон кончился».

Образованием и воспитанием стали интересоваться не одни только учителя, но и доктора, писатели, ученые и проч., а некоторые из них сделали для образования и воспитания даже гораздо больше, чем сами учителя. Такими людьми в то время были, например, знаменитый хирург Пирогов или известный во всем мире наш гениальный писатель Лев Николаевич Толстой. Их педагогические сочинения до сих пор во многом нисколько не устарели. По педагогике много писали и другие известные тогда писатели: Добролюбов, Писарев, Чернышевский и прочие.

Больше всех, однако, сделал для нее Константин Дмитриевич Ушинский. Его называют теперь отцом русской педагогики.

Довольно давно решено поставить монумент, как другим великим людям. Некоторые съезды и общества учителей называются теперь съездами Ушинского, обществами Ушинского.

Его имя знают не только все учителя, но и учащиеся, даже в народных школах, потому что несколько десятков лет школьники учились по его книгам. Одна из этих книг, «Родное слово», знакома всем. Она была напечатана за полвека в нескольких десятках миллионов. Очень известна была также долгое время другая книга Ушинского, «Детский мир», прекрасно написанная хрестоматия.

Один из народных учителей, *В.Я. Абрамов* (в оригинале зачеркнуто. — *Т.Г.*), на юбилее Ушинского по случаю 25-летия со дня его смерти выска-

зал, между прочим, по поводу двух названных книг следующие справедливые мысли:

«Что касается его книг “Родное слово” и “Детский мир”, предназначенных для классного чтения, то они вполне родные нам книги, знакомящие ребенка с разнообразием русской природы, с условиями быта русского крестьянства, с обстановкой и духовными интересами русской интеллигенции, с русской историей и географией».

«Если бы Константин Дмитриевич Ушинский ничего больше не написал, кроме “Родного слова” и “Детского мира”, то и тогда имя его было бы священо для русской народной школы и увековечено в истории русской педагогики».

Еще важнее сочинения Ушинского для учителей. Из книг самое замечательное — «Человек как предмет воспитания». Ушинского вообще можно назвать *учителем учителей*.

Ушинский родился в 1824 году (по другим данным, в 1823-м. — Т.Г.). Родители жили в Новгород-Северске Черниговской губернии. Они были образованные люди. Мать, урожденная Капнист, скончалась, когда ему было 12 лет. Были они хотя и небогатые, но достаточные люди (может быть, с достатком? — Т.Г.). Отец после смерти первой жены вступил во второй брак и большую часть времени проводил вне дома. Мальчику пришлось жить со своим младшим братом. Жили они в глуши, куда почти никто не заглядывал.

Свое учение в гимназии описал сам Ушинский. Между прочим, у него сохранились о ней такие воспоминания: «Воспитание, которое мы получили в одной уездной гимназии маленького городка Малороссии Н-ска, было в учебном отношении не ниже, а даже выше того, которое в то время получали во многих других гимназиях. Этому много способствовало страстное отношение к науке в покойном директоре Н-ской гимназии... Мир праху твоему, почтенный старец! *Твоим нелицемерным, продолжавшимся до гроба служением науке, твоим благоговейным уважением к ней и твоею постоянной верой в другую, гораздо более высшую <неразб> силу?*

Ты посеял в сердцах твоих воспитанников такие семена, которые да поможет им Бог передать своим детям и воспитанникам».

Ушинский жил за городом, на хуторе, и ежедневно должен был пешком ходить в гимназию, находившуюся от хутора верстах в четырех. Он с удовольствием вспоминает об этом времени: «Прекрасное местоположение, богатое славными живыми и разнообразными ландшафтами, огромный старый сад, изрытый переложенными зеленью оврагами, рано должны были развить во мне любовь к природе... А воля, а простор, природа, прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги, колыхающиеся поля, а розовая весна и золотистая осень разве не были нашими воспитателями... Разве я не был страшным богачом, миллионером в сравнении с другими, запертыми в душных стенах столичного <неразб.>».

Странно, что воспитательное влияние природы, которое каждый более или менее испытывал на себе, которое с такою живостью изображают в каждой вымышленной и нереальной биографии, так мало оценено в педагогике».

Ушинский рассказывает, что эти получасовые прогулки в гимназию и назад по пустынным кручам Десны, слишком большое уединение, в котором он проводил дома большую часть своего времени, и несколько десятков прочитанных им путешествий и романов развили в нем мечтательность. «В голове моей, особенно когда я медленно, шаг за шагом,

брел из гимназии, сплетались целыми месяцами и даже годами в длинные и сложные, фантастические истории и самые дикие романы, в которых, конечно, я был героем».

16-летним мальчиком Ушинский поступил в Московский университет. «Само слово “университет”, — говорил он, — внушало нам тогда почтенный, почти животный страх».

Сохранился дневник Ушинского, который он вел в свои университетские годы. Дневник этот очень интересен. В нем он говорит, между прочим, и о том, что должно делать его поколение: «Мы живем не в те годы, чтобы могли действовать сами. Будем трудиться для потомства. Будем трудиться над постройкой чудного здания, которому внуки наши дадут свое имя, истинных творцов которого никто и никогда не узнает. Велика тогда будет наша роль, велико назначение. Отдать все потомкам, которые забудут и наши имена, — лучшая доля, величайшая доля».

В университете он много занимался. Это видно из распределения дня, которое он назначил для себя на все дни недели в дневнике. В понедельник, например, распределение дня было такое.

- Встать в 4 часа утра.
- От 5 до 9 часов работать для экзамена.
- От 9 до 12 часов — на уроки.
- От 12 до часу — все нужные дела.
- От 1 до 2 — обед и отдых.
- От 2 до 6 часов — читать для ума.
- От 6 до 7 часов — думать о чем-нибудь дельном.
- От 7 до 8 часов — читать что-нибудь нужное.
- От 8 до 9 часов — писать дневник, готовить для урока.
- От 9 до 10 часов — отдыхать.
- От 10 до 4 часов — спать.

Подобное же расписание сделано и на другие дни. Конечно, молодой человек далеко не всегда исполнял такое распределение, но важно, что об этом старался.

В дневнике показаны и прочитанные им книги. Это были книги по юридическим наукам, истории, географии, философии и др. на русском, немецком и французском языках. Приводя в одном месте дневника один из таких списков книг, Ушинский пишет: «Меня теперь совершенно занимает план, который, если я его приму, должен определить цель всей моей жизни: именно — написать историю так, как я ее понимаю». Однако у него являлись при этом сомнения: «Конечно, этот труд достаточен, чтобы наполнить много жизней, но угадал ли я свое направление? В нем ли я найду успокоение?»

Кроме научных книг, Ушинский основательно знакомится с художественной литературой. Любимыми его писателями были Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Гёте, Гофман, Жан Поль Рихтер и другие.

Подобно многим молодым людям того времени, Ушинский увлекался театром, особенно игрой Мочалова, Щепкина.

Вокруг Ушинского образовался целый кружок товарищей. По словам его биографа М.Л. Песковского, «в этой среде он пользовался большой любовью не только за ум, остроту, прямой, открытый характер, но и как идеально хороший товарищ. Придерживаясь преимущественно бедной среды товарищей как наиболее преданных интересам науки, он охотно делился с ними не только своими познаниями, но и последним рублем, последней трубкой табака».

В дневнике Ушинский устанавливает десять правил своего поведения. Эти правила названы: «рецепты». Вот некоторые из этих правил: «Прямота в словах и поступках. Обдуманность действий. Не проводить времени бессознательно, делать то, что хочешь, а не то, что случится». Разумеется, он грешил и против этих правил, о чем записывает в дневнике.

Любовь к природе сохранилась у Ушинского и в университетские годы. Любовь эта перешла у него даже в преклонение перед природой и перед ее Творцом. Он думает, что «злодейство может явиться и под открытым небом, усеянным звездами, и на берегу шумящего бесконечного моря, и на заоблачных вершинах гор; но мелкий, низкий, грязный порок не вынесет этих картин: ему место только в наших душных, темных комнатах».

Ушинский всю жизнь был религиозным человеком. Таким он был и в юные студенческие годы. В одном листке его дневника религиозное чувство высказывается в самом благородном виде: «Через 20 минут раздастся колокольный звон, извещающий, что для верующих Воскресе Христос! Спаситель! Кто бы ты ни был, я верую Твоему Воскрешению! Помогите мне сделать все доброе, что я могу! Благослови дела мои, если они будут благие, отвергни злые. Не за себя молю, но за благо, которое могу совершить... Пошел в Шереметьевскую церковь, скоро ушел, глядя под темным небом, усыпанным звездами, на прекрасный освещенный храм, полный народа, ждущего входа священника с дивным “Христос Воскресе!””. Глядя на этих священников в блестящих ризах, стариков, возглашающих во мраке ночи Воскрешение Творца бесконечного неба, расстилающегося над их головами, — я плакал».

Любимыми профессорами Ушинского были очень известные в то время Грановский⁴ и Редкин⁵. Профессор Редкин находил Ушинского наиболее блестящим из своих учеников. По его рекомендации Ушинский после окончания курса был вскоре приглашен в профессора Ярославского Демидовского лицея, хотя ему было тогда меньше 23 лет, другие профессора относились к нему с большим уважением, а студенты с любовью и почетом. Но ему недолго пришлось быть профессором. Времена тогда были очень строгие. С профессоров брали, например, подписку, что они не принадлежат ни к каким тайным обществам против правительства и никогда принадлежать не будут. Хотя Ушинский к таким обществам не принадлежал и никогда ни в чем не был замешан, но все-таки должен был уйти из лицея. Попечитель лицея Демидов говорил, что Ушинский очень хороший профессор, что у него отличные познания, однако думал, что за ним надо строго следить. Он полагал, что Ушинскому было бы полезно сначала побывать учителем гимназии. Там он приучился бы аккуратно исполнять приказания начальства. Ушинский принужден был подать прошение об увольнении, будто бы для того, чтобы в Москве или Петербурге посоветоваться с докторами о своей болезни.

Ушинский познал с этого периода большую нужду. В своем дневнике в 1849 году он писал: «Много ли я прошу у тебя, судьба? Самый маленький уголок под ясным небом посреди благоухающих полей, тенистых роц, умеренный труд и забытье, забвение от всего и от всех. Я мог бы просить еще у тебя любимой женщины и добрых друзей... Но ты так скупа. Я не хочу ничего и не хочу никуда, куда ты толкаешь меня, о нищета проклятая!»

Чтобы иметь хоть какие-либо средства, он поступил на службу в Петербург, в департамент иностранных исповеданий, и получал жалованья толь-

ко 400 рублей в год. Главным его начальником там был граф Д.А. Толстой, который потом, при Александре II, был министром народного просвещения, а при Александре III — министром внутренних дел. Много зла и вреда принес граф Толстой и нашему просвещению, и свободе нашего отечества. Во время своей службы в департаменте Ушинский начал с 1852 года писать <неразб.> и критические статьи в журналах — «Современнике» и «Библиотеке для чтения». Писал он для заработка, ибо он был уже женат на Надежде Семеновне Дорошенко.

Настоящая педагогическая работа Ушинского началась тогда, когда он был приглашен в 1855 году в Гатчинский сиротский институт. Здесь сначала он был преподавателем, а потом и инспектором. Тогда же он стал писать в педагогических журналах, преимущественно в «Журнале воспитания» Чумикова⁶ (этот журнал вскоре стал называться просто «Воспитанием»). Впоследствии, с половины 1860 до конца 1861 года, Ушинский сам был редактором «Журнала Министерства народного просвещения». Журнал этот под другим названием издавался еще с 1803 года, то есть тотчас после учреждения у нас самого министерства] нар[одного] просвещения; в 1834 году он получил свое теперешнее название. Перед назначением Ушинского «Журнал Министерства народного просвещения» редактировался известным профессором А.В. Никитенко и носил по преимуществу научный характер. Ушинский главное место отвел в нем педагогике и наукам, близким к ней. Много статей появилось в нем по начальному обучению в семье и школе. Давались интересные сведения о настоящем и прошлом состоянии народной школы в Западной Европе и Америке. Излагались также сочинения таких знаменитых европейских педагогов, как Песталоцци и Диесперов⁷. Главными сотрудниками журнала были известные педагоги Рехневский, Толль, Орест Миллер, Водовозов, Филонов, Модзалевский, Игнатович, Семенова. Немало статей было написано и самим Ушинским. Из них наиболее замечательна статья «Труд в его психическом и воспитательном значении».

В 1859 году Ушинский был приглашен на должность инспектора Смольного института, где прослужил три года. Во время своей службы в Гатчинском сиротском институте, и в особенности в Смольном, он ввел много очень полезных преобразований в воспитание и обучение детей. Ушинский пригласил в Смольный институт много молодых и талантливых педагогов, о которых упомянуто выше, — Водовозова, Модзалевского, Сеневого, Семенова, Ореста Миллера — и других и вместе с ними обсуждал все дела этого учебного заведения. Как уже сказано, в институтах барышни обучались больше хорошим манерам, чем наукам. При Ушинском преподавание в Смольном совершенно изменилось. Особенное внимание было обращено на обучение родному языку, истории литературы, как русской, так иностранной, на преподавание географии, естественной истории и математики. Ушинский думал, что изучение математики очень полезно для женщин. Он вообще придавал большое значение образованию женщины, как матери и воспитательницы юных поколений. В раннем возрасте, по мнению Ушинского, ничто не может заменить ребенку мать. Он говорил: «Счастливо дитя, если первое человеческое лицо, отразившееся в нем, есть полное любви и ласки лицо матери». Мать должна быть не только любящей, но и понимающей детей и знающей, как следует их воспитывать. Поэтому Ушинский в Смольном институте, кроме семи классов, основал восьмой, педагогический класс.

Заботы Ушинского о женском образовании надо особенно ценить, так как на него еще немногие обращали тогда внимание. В 1896 году министр

народного просвещения Норов⁸ в докладе молодому государю Александру II писал, что у нас «система народного образования имела в виду только одну половину народонаселения — мужской пол. Женские же заведения, покровительствуемые высочайшими особами, предназначены только для одного сословия — дворян и чиновников. Между ними лица среднего сословия в губернских и уездных городах лишены были средств дать своим дочерям необходимое образование. Женские гимназии появились у нас только в 1852 году. У них сразу оказалось много врагов, и вражда эта долго не смолкала, подобно тому как это было потом и с высшими женскими курсами.

По словам В.Я. Стоюнина⁹, «одни были недовольны тем, что женская гимназия сделана не сословным учебным заведением для одного чиновного класса, и не могли примириться с мыслью, что генеральская дочка должна сесть на одну скамью с дочерью какого-либо лавочника. Другие винили гимназию, что она не дает настоящего образования, потому что не научает говорить по-французски; третьим не нравилось, что многие гимназистки не довольствуются только тем, что им дает гимназия, а по окончании курса ищут новых познаний и пристращаются к науке. Раздавались и более нелепые обвинения, сопровождаемые разными клеветами».

Смольный институт был аристократическим учебным заведением, и вводить в нем разные преобразования было нелегко. Поэтому служба в нем Ушинского была непродолжительной. Против него начались разные интриги, и ему пришлось наконец оставить любимое дело, как прежде пришлось бросить свою профессорскую службу в Ярославском Демидовском лицее. Это для него было, конечно, очень печально, но зато, покинув службу, он весь остаток своей жизни и все свое свободное время отдал изучению педагогики, сам сделал в ней много открытий, ценных для современников и потомства. Некоторые из его трудов так серьезны, что могут быть поставлены рядом с трудами знаменитых европейских педагогов.

Давая первый отчет о своей заграничной командировке, Ушинский говорил следующее: «Может быть, покажется странным, если я начну мой отчет выражением, что женское образование только в последнее время обратило на себя особенное внимание даже в тех государствах Запада, мужские школы которых мы давно привыкли считать образцовыми». До настоящего времени германская педагогика не имеет решительно ни одного замечательного и фундаментального сочинения о женском образовании, тогда как о воспитании мужчин их написано премного количество. *В отчете приведено много интересных сведений о детских приютах и садах, об элементарной высшей (по-нашему средней) женской школе, о семинарах для учительниц женских интернатов и проч.*

Ушинский осуждает немцев за их отношение к женскому образованию и называет взгляд их на женщину «смесью приторной сладости и грубого расчета», *прикрытого фразами «истасканной морали»*. *Можно надеяться и верить, что у нас выработается более гуманный, более христианский план женского воспитания, чем в Германии»*.

Ушинский вообще подмечал много недостатков в постановке воспитания и образования за границей, как по своим личным наблюдениям, так и на основании знакомства с иностранными сочинениями по этому предмету. Он советовал русским не столько следовать чужим образцам, а брать осмотрительно то хорошее, что способно привиться у нас.

Прошлое, которое прожил какой-нибудь народ, не сходно с прошлым других народов. По всему этому у каждого народа есть свои особенности

ума и характера. Кроме того, у всякого человека есть любовь к родине. Ушинский думал, что даже «в злодее, в котором потухли все благородные чувства, можно еще доискаться любви к отечеству: поля родины, ее язык, ее предания и жизнь никогда не теряют непостижимой власти над сердцем человека».

Всякий педагог обязан помнить, что русский должен воспитываться иначе, чем француз или немец, что при воспитании детей и юношей нужно всегда иметь в виду особенности того народа, к которому он принадлежит. Школа должна быть такой, чтобы народ считал ее близкой, родной, а не чужой, навязанной ему. Опыт других народов, конечно, надо пользоваться при воспитании, но разборчиво и применительно к своим условиям жизни. Как нельзя жить по образцу другого народа, так нельзя давать воспитание на чужой лад, если бы даже такое воспитание было очень хорошо обдуманно и стройно поставлено, достижимо, так как человеку свойственны возвышенные стремления, ему вродена и совесть, главная основа нравственной жизни.

Воспитание, учил Ушинский, вообще должно быть связано с религией. Надо «верить в Провидение и в человечество, в его божественное назначение... без этого ничего не поделаете». «Душа наша может не только понимать истину, но может прямо чувствовать ее». «Бог есть истина, любовь и могущество, а истина в любви». Весь мир одухотворен, а не является чем-то мертвым. Некоторые думают, что религия противоположна науке. Ушинский не соглашается с этим. Наука должна быть также положена в основу воспитания. Он поклонялся научному опыту и изучению фактов, хотя знал, что наука не может многого разрешить и даже не берется делать этого. Тогда приходится обращаться к философии. Педагогика должна находиться в связи с ней так же, как с физиологией, психологией, этикой и эстетикой, она должна, кроме того, считаться и с охватом жизни.

Ушинский первый из наших педагогов особенно сильно настаивал на том, что воспитание должно быть народным, национальным, то есть что каждый народ, каждый человек должен иметь свое особенное воспитание, не одинаковое с воспитанием у других народов. Ведь у каждого народа есть свои обычаи, свои нравы, свои законы, свой язык с особенными народными сказаниями, песнями, думами и проч.

После вынужденного ухода из Смольного института Ушинский был причислен благодаря покровительству императрицы Марии Александровны* к IV отделению собственной его величества канцелярии с сохранением прежнего содержания. Тогда же он получил заграничную командировку, в которой пробыл пять лет, с 1862 по 1867 год. Ежегодно он ненадолго приезжал оттуда в Россию. За границей он жил преимущественно в Швейцарии, на берегу Женевского озера, и в Германии, в Гейдельберге. Кроме того, он побывал в Италии и Франции. Очень интересны его «Письма из Швейцарии», в которых он описывает разные школы этой страны.

Ушинский вообще подмечал много недостатков в постановке воспитания и образования за границей, как по своим личным наблюдениям, так

* О Марии Александровне, между прочим, хорошо отзывался князь П.А. Кропоткин в своих «Записках революционера». Учебные заведения для высших классов общества должны находиться под охраной и контролем родителей, которые принимали бы активное участие в устройстве и реформах этих заведений. Ушинским интересовался П.А. Кропоткин в своих «Записках революционера». — *Здесь и далее примечания, отмеченные звездочкой, принадлежат Ю. Бунину.*

и на основании знакомства с иностранными сочинениями по этому предмету. Он советовал русским не столько следовать чужим образцам, а брать из них осмотрительно то хорошее, что способно привиться у нас.

За границей написаны и подготовлены главные педагогические сочинения Ушинского: «Родное слово», «Руководство по преподаванию “Родного слова”», «Человек как предмет воспитания». М.Л. Песковский¹⁰ говорил, что для составления этого последнего сочинения Ушинскому «необходимо было перечитать всех величайших мыслителей и естествоиспытателей, начиная с древних времен и кончая новейшими: Дарвином и Шопенгауэром; за пятилетие у него образовался целый багаж свежего материала, с которым он явился в Петербург в 1867 году, чтобы там окончательно обработать его».

По словам того же М.Л. Песковского, за границей императрица поручила Ушинскому высказать свои взгляды на воспитание наследника русского престола. Ушинский составил об этом предмете четыре письма. Однако в примечании к этим письмам, помещенным в 1908 году в «Собрании неизданных сочинений» К.Д. Ушинского, сказано, что они были написаны приблизительно в 1809 году для одной высокопоставленной особы, то есть за 3 года до поездки за границу. В первом из этих писем Ушинский говорит, что дело воспитания наследника «такое важное и такое святое, именно святое, дело, что рука всякого истинно русского человека, прикасаясь к нему, невольно задрожит. Здесь сеются семена благоденствия или несчастья миллионов соотечественников, здесь раскрывается завеса будущего нашей родины». Далее он пишет: «Теперь уже нельзя только продолжать дело, начатое Петром Великим, только усваивать то, что появляется за границей», потому что, видимо, это не может повести ни к чему доброму: «...теперь следует самим отыскивать путь, отбросивши иноземные указы, а для того, чтобы найти истинный путь, более чем когда-нибудь необходимо обратиться к самому народу, узнать не только его материальные, но и духовные потребности».

«Воспитатель, открывая взорам высокого воспитанника и исторические события, и современное состояние общества, должен постоянно укоренять в нем ту мысль, что в истории и даже в жизни отдельного человека важна идея, мысль, и что ее невозможно заменить никакой роскошной обстановкой». Пусть будущий монарх вынесет убеждение, что «неограниченной власти, в смысле неограниченного произвола, нет на земле». «Политические убеждения монарха должны быть прогрессивными, то есть допускать возможность развития государства во всяких брожениях». Монарх «может и не быть полководцем, смотря по его личным дарованиям и наклонностям, но политиком, законодателем, верховным правителем и верховным судьей он не может не быть по самому сану своему», а потому он должен изучить прежде всего науки, которые касаются политики, законодательства и прочего, то есть науки общественные.

Кончая свое последнее письмо о воспитании наследника, Ушинский говорит: «Высокое внимание, которым были удостоены мои первые два письма, налагают на меня святую обязанность говорить правду, и одну только правду. Ошибок в моей речи, без сомнения, много, но преднамеренного уклонения от истины нет ни в одном слове».

За границей Ушинский познакомился с Пироговым¹¹, про которого он говорил: «Едва ли есть кто-нибудь другой, кого я уважал бы больше».

Последние три года жизни Ушинский работал так же много и энергично, как и за границей, но на родине он мог принимать участие и в

практических делах, касающихся воспитания и образования. При Второй гимназии в Петербурге существовало тогда педагогическое общество. Он сделался самым деятельным его членом, оживил его, собрав вокруг себя многих видных педагогов. В обществе обсуждались серьезно и основательно педагогические вопросы, новости педагогической литературы и предстоящие реформы по среднему и начальному образованию. Ушинский особенно интересовался тогда последним и вступил по этому предмету в близкие сношения с провинциальными педагогами, с земскими и другими общественными деятелями.

Ушинский приобрел в это время огромную популярность среди деятелей просвещения. Вместе с этим он стал пользоваться и материальным достатком, так как его книги расходились в большом количестве. Был он счастлив и в семейной жизни. Но как нередко бывает в подобных случаях, в его жизни были рядом со светлыми и мрачные стороны: у него появились разные враги и завистники, которые всеми способами старались повредить ему и часто достигали своей цели. Ученый комитет Министерства народного просвещения не допустил, например, в 1866 году «Детский мир» в школы этого министерства, хотя раньше книга эта заслуживала одобрения. Правительству не нравилось и то, что Ушинский пользовался слишком большим почетом и уважением среди учителей и земских деятелей. Вследствие переутомления, волнений и вредного петербургского климата здоровье Ушинского сильно разрушилось, и весной 1870 года он вынужден был уехать на юг — в Крым. Временная поправка не спасла его жизни, и он скончался 21 декабря того же года в Одессе. Тело его было перевезено в Киев. Ушинский похоронен там в Выдубицком монастыре. Как видят читатели, Ушинский за свою короткую жизнь, которая продолжалась менее 47 лет, сделал очень многое для русской школы и воспитания — быть может, больше, чем кто-либо другой из наших педагогов. Рядом с ним можно поставить только Пирогова. Поэтому интересно хотя бы вкратце познакомиться с основными взглядами Ушинского на воспитание и образование.

Ушинский думал, что воспитание существует только у людей, что «природа воспитания не знает». Люди с самых древних времен старались воспитывать своих детей, но истинное, настоящее воспитание и теперь еще встречается очень редко. Ушинский говорил: «Великое искусство воспитания только начинается». Ему казалось, что «люди думали обо всем, кроме воспитания», и искали своего счастья всюду, но не там, где, скорее всего, его можно найти, то есть в правильно поставленном воспитании. Особенно плохо воспитание поставлено в России: «У нас воспитание так же не пустило корней, как растение, которое дитя посадило, и постоянно выдергивает, чтобы пересадить на другое место, не решаясь, какое выбрать». О воспитании у нас мало заботятся даже в более образованной части общества, «детей не воспитывают, а готовят чуть ли не с колыбели в то или иное учебное заведение». Настоящее воспитание появляется только тогда, когда родители или учителя сознательно желают сделать воспитанника таким, каким они считают: нужным и полезным. Они становятся тогда похожими на скульпторов, которые из камня или металла делают статуи по своему желанию.

Каждый воспитатель должен представить и уяснить себе, какого человека он желает сделать из своего воспитанника, то есть должен хорошо понимать цель воспитания. Иногда цель воспитания плохо осознается самими воспитателями. Тогда, собственно говоря, почти нет воспитания в истинном виде. Бессознательно воспитывает человека или, лучше сказать,

влияет на него и многое другое, кроме воспитателей и школы: природа, сама жизнь, окружающая его обстановка в семье, в обществе и проч. Такие влияния передаются и наследственно — из поколения в поколение, но воспитанием в истинном смысле их назвать никак нельзя.

Ушинский особенно заботился о том, чтобы воспитатели прежде всего поняли главную цель воспитания. Чтобы это понять, надо хорошо знать, что в жизни всякого человека есть самое важное, самое нужное. Ушинский думал, что для человека важнее всего развивать и совершенствовать все свои способности — ум, нравственные чувства, характер и т.д. Он был убежден, что стремление к совершенствованию непременно есть в душе у каждого, нужно только зажечь в ней «святой огонь и избегать всего того, что может унижить дух человека, принизить и опошлить его». Выше души человеческой нет ничего на свете, кроме ее Создателя — Творца Вселенной. Человеческой душе врожденно и чувство совести, без чего не может быть никакой нравственности. Всякое воспитание и всякая школа должна показать человеку то, что в нем есть самого драгоценного, заставить его познать себя частицей бессмертного, так как все отдельные люди и весь род человеческий и даже весь мир составляют одно живое целое и живут единою жизнью.

Воспитание, как учил Ушинский, должно быть религиозным, христианским. Надо «верить в Провидение и в человечество, в его божественное назначение». «Душа наша может не только понимать истину, но может прямо чувствовать ее», а Бог есть «истина, любовь и могущество, и истина в любви». В духе такой истины и должно вестись все воспитание.

Воспитание должно быть, кроме того, основано на науке, которую Ушинский ставил высоко, так как наука приучает наблюдать факты и делать правильные выводы. Педагоги обязаны хорошо познакомиться со многими науками, изучающими природу человека: с физиологией, психологией, этикой, эстетикой и др.

Ушинский первый из наших педагогов особенно сильно настаивал на том, что *воспитание должно быть народным, национальным*, то есть что каждая нация, каждый народ должен иметь свое, особенное воспитание, не одинаковое с воспитанием у других народов. Ведь у каждого народа есть свои обычаи, свои нравы, свои законы, свой язык с особенными народными сказаниями, думами, песнями и прочим. Прошлое, которое пережил какой-либо народ, не сходно с прошлым других народов! По всему по этому у каждого народа есть свои особенности ума и характера. Кроме того, у всякого человека непременно есть любовь к родине. Ушинский думал, что даже в злодее, в котором потухли все благородные чувства, можно еще доискаться любви к отечеству: поля родины, ее язык, ее предания и жизнь никогда не теряют непостижимой власти над человеком. Всякий педагог обязан помнить, что русский должен воспитываться иначе, чем француз или немец, что при воспитании детей и юношей нужно всегда иметь в виду особенности того народа, к которому он принадлежит. Школа должна быть такой, чтобы народ считал ее близкой себе, родной. Опыт других народов, конечно, надо пользоваться при воспитании, но с разбором и применительно к жизни своего народа. Как нельзя учить по образцу другого народа, так нельзя давать воспитание на чужой лад, если бы даже такое воспитание было очень хорошо обдуманно и стройно поставлено.

Всякое воспитание должно, сверх всего этого, *побуждать к труду, к деятельности*. Ушинский утверждал, что жизнь заключается в деятельности, а где нет ее, там — смерть. Деятельное состояние души для нее самое

естественное; оно дает человеку высшее счастье. Труд вообще великое благо для человека: «Как ночные призраки от светлого утреннего луча бегут от светлого утра — тоска, скука, капризы, прихоти, все эти бичи людей праздных, которым нечего делать».

Наконец, воспитатели и школа никогда не должны забывать изречение Спасителя — «не о хлебе едином жив будет человек», что для человека важно все не материальное, а духовное благо. Школа, забывшая это, не выполнит своего назначения, хотя она давала большие и разнообразные знания.

Школа должна сделаться родной для воспитанника, стать для него как бы обширной семьей, но такой семьей, которая заботилась бы о том, чтобы воспитывать людей, способных приносить пользу обществу, родине, а не только себе и своим близким. У нас же в простом народе и в образованном обществе чуть не все думают только о себе самом или о своей семье.

Воспитатели и учителя должны быть для своих воспитанников истинными друзьями, всячески желающими помочь им. «Воспитатель, — говорит Ушинский, — не чиновник, а если он чиновник, то он не воспитатель». Учителя хотят часто действовать на учеников страхом, но они внушают не страх *Божий*, а страх *учительский*, из которого рождается ложь, притворство, хитрость, грубость, рабство, слабость, ничтожество души, а не премудрость». Дитяти надо предоставить разумную свободу: «Нельзя вести на поводу волю ребенка, надо дать ей простор самой расти и усиливаться».

Кроме любви к детям и к своему делу, педагоги должны хорошо знать это дело и ясно понимать природу ребенка и юноши. По убеждению Ушинского, воспитатель должен знать «человека, каков он есть в действительности» со всеми его слабостями и во всем его величии. «Воспитатель должен знать человека в семействе, в обществе, среди народа, среди человечества и наедине со своей совестью; во всех возрастах, во всех классах, в радости и в горе, в величии и унижении, в избытке сил и в болезни, среди неограниченных надежд и на одре смерти.

Он должен знать побудительные причины самых грязных и самых высоких деяний, историю зарождения преступных и великих мыслей, историю развития всякой страсти и всякого характера. Тогда только он будет в состоянии почерпнуть в самой природе человека средства воспитательного влияния, а средства эти громадны».

Для подготовки хороших учителей Ушинский мечтал о создании при наших университетах педагогических факультетов или, по крайней мере, особых кафедр по педагогике и по другим предметам, нужным воспитателям. Для подготовки же учителей начальной школы он сам составил целый проект учительских семинарий и план их устройства. В своих сочинениях он дал много важных, ценных и новых для того времени указаний относительно значения в жизни человека привычек, памяти, воображения, рассудка, различных чувствований и т.д. Ушинский много писал еще для учителей о желательной постановке разных учебных предметов — естествознания, родиноведения, иностранных языков и особенно родного языка и проч., о наилучших способах их преподавания. Немало интересного сказал он о нравственном воспитании, о важности введения в школу физического труда и т.д. Всюду он проповедовал, что у педагогов на первом плане должна стоять правда и истина, которую никогда не следует скрывать от воспитанников. «Истина, — говорил он, — не может быть вредна: это одно из самых светлых убеждений человека. Пусть воспитатель, соблюдая только своевременность, смело вводит воспитанника

в действительные факты жизни, души и природы, и они не извратят нравственности воспитанника, не поколеблют в нем благоговения к Творцу Вселенной».

Обсуждая важнейшие задачи своего времени, Ушинский считал, что после освобождения крестьян самой главной задачей должно быть устройство школ, так как «всякое существенное, а не только кажущееся улучшение в быту народа, всякая существенная реформа должна основываться на внутренней, духовной реформе».

«По нашему мнению, — писал он, — нет теперь вопроса современнее и важнее, как вопрос о том: чем должна быть русская народная школа? Как и где ее устраивать? Что и как в ней преподавать? Где взять для нее учителей? Каковы должны быть эти учителя? В каком отношении должны находиться народные школы, с одной стороны, к обществу, с другой — к общей администрации? и т.д.»

Ушинский думал, что для того, чтобы правильно и хорошо поставить школу, необходимо участие в этом деле народа, что этого не следует опасаться. «Предоставить народную школу народу, — писал он, — вовсе не значит предоставить ее всяким случайностям, ибо настроение народа гораздо меньше зависит от случайности, чем настроение какой-либо администрации». Самое лучшее, по Ушинскому, — вверить охранение народной школы самому народу, а потом духовенству и земству. Администрация же пусть сохранит за собой право только содействовать разными путями народным школам.

Учебные заведения для высших классов общества должны находиться под охраной и контролем родителей, которые принимали бы активное участие в устройстве и реформах этих заведений.

Ушинский интересовался не только умственным и нравственным, но и физическим воспитанием. Он интересовался всеми разрядами школы, в том числе и специальными — духовными, ремесленными и иными. Вместе с этим его занимало и так называемое внешкольное образование, распространяемое в народе устройством библиотек, чтений, распространением книг и т.д. Словом, трудно найти какой-либо отдел воспитания и образования, который не привлекал бы его внимания. И всюду от него можно было услышать веское слово, с которым можно было иногда не соглашаться, но никогда нельзя было проходить мимо него. В его словах всегда было много искренности, теплоты и любви к человеку и к детям. Видя, например, как растут и развиваются бедные дети, обучающиеся у разных ремесленников, он задавался таким вопросом: «Нельзя это дело устроить как-нибудь так, чтобы дети выучивались ремеслам, не расплачиваясь за выучку своей нравственностью и своим здоровьем? Нельзя ли устроить, чтобы дитя, учась ремеслу, оставалось в обществе детей и находилось под руководством таких взрослых людей, которые видели бы в нем дитя и будущего гражданина, и работника, а не животную силу, которой уже можно воспользоваться?»

Ушинский говорил, что «великое искусство воспитания только начинается... Кажется, люди думали обо всем, кроме воспитания, искали средств величия и счастья везде», но не там, «где скорее всего их можно найти», то есть в правильно поставленном воспитании. Ушинский, конечно, хорошо знал, что воспитание существует с самых древних времен, но ему было известно также, что истинное, настоящее воспитание и теперь встречается очень редко. Особенно плохо, думал Ушинский, воспитание стоит в России: «У нас воспитание так же не пустило корней, как растение, которое дитя посадило и постоянно выдергивает, чтобы пересадить

на другое место, не решаясь, какое выбрать. У нас детей не воспитывают, а готовят чуть ли не с колыбели в то или иное учебное заведение».

Многие думают, что воспитывать может почти каждый. Но это не верно: «Воспитание кажется тем легче и понятнее, чем менее человек с ним знаком». Напротив, дело это очень трудное. Надо быть глубоким знатоком его, надо хорошо знать душу ребенка и уметь обращаться с ним.

Ушинский полагал, что воспитание существует только у людей, что «природа воспитания не знает». Природа воспитывает человека, но это делается ею бессознательно, *непреднамеренно*. Точно так же влияют на человека и вся окружающая его среда и обстановка — семейная, общественная. Эти влияния передаются и наследственно — из поколения в поколение. Но настоящее воспитание бывает *преднамеренным*¹, оно начинается тогда, когда родители, воспитатели и учителя сознательно желают сделать из ребенка и юноши то, что они считают нужным и полезным. Они становятся тогда похожими на скульпторов, которые из камня или металла делают статуи по своему желанию или по заказу. Учителя и воспитатели должны знать ясно *цель* своего дела, цель воспитания. Цели эти могут быть хорошие или дурные, могут соответствовать природе человека и его истинным потребностям или нет. Иногда же цель воспитания не ясно понимается самими воспитателями. Тогда, собственно говоря, почти нет воспитания в настоящем виде.

Ушинский особенно заботился о том, чтобы воспитатели прежде всего поняли истинный смысл воспитания, его главную цель, а затем — чтобы они знали, какими средствами добиваться этой цели, какими путями идти к ней. Сам же он полагал, что целью воспитания должно быть совершенствование и развитие цельной человеческой личности. Он был убежден, что стремление к совершенствованию врождено человеку, его душе, выше которой стоит только ее Создатель — Творец Вселенной. Все отдельные люди и весь род человеческий живут единою жизнью, но не только все человеческое общество, но и весь мир составляет одно живое целое. Всякое воспитание и всякая школа должна поэтому «показать человеку то, что в нем есть самого драгоценного, заставить его познать себя частицей бессмертного и живым органом мирового духовного развития». Нужно всячески стремиться к тому, чтобы «зажечь в душе воспитываемого святой огонь и избежать всего того, что может унижить дух человека, принизить и опошлить его». И это вполне <фраза не окончена>.

Ровно пятьдесят лет тому назад, в 1868 году, появилась самая замечательная из русских книг по педагогике: «Человек как предмет воспитания» Константина Дмитриевича Ушинского. Сочинение это, хотя и не законченное вследствие преждевременной смерти автора¹², скончавшегося в 1870 году, по своей основательности, научности и глубокому пониманию души человека вообще и ребенка в частности нисколько не уступает сочинениям наиболее знаменитых педагогов Западной Европы и Америки. Во многом Ушинский шел даже впереди их. Теперь изучение души ребенка сделалось особой, самостоятельной наукой, известной под названием психологии детства или педагогики, стало обязательным для всякого добросовестного воспитателя, но полвека тому назад такое изучение только начиналось. И Ушинский был первым из наших ученых, обративших серьезное внимание на этот предмет. Вместе с этим Ушинский оказал неоценимые услуги нашему просвещению другими своими трудами и как ученый, и как практический деятель. Поэтому его славное имя надолго

останется в памяти нашего образованного общества, в особенности среди учителей и воспитателей.

Более 10 лет тому назад был поднят вопрос о постановке ему всероссийского памятника, вопрос, к сожалению, и до сих пор не разрешенный. В настоящее же время некоторые съезды учителей, а также некоторые педагогические организации связаны с его именем. И это вполне понятно, так как до сих пор у нас не появлялось еще педагога, равного Ушинскому.

Деятельность Ушинского протекала в 50-х и 60-х годах прошлого (XIX век. — *Т.Г.*) века и совпадала со временем великих реформ в царствование Александра II. Тогда у нас проявился особенно большой интерес к вопросам образования и воспитания.

Многие выдающиеся люди стали посвящать свои силы просвещению общества и народа, и замечательно, что самыми видными педагогами оказались у нас люди, совсем не готовившиеся ранее к этому делу. Достаточно назвать знаменитого медика-хирурга Пирогова и нашего гениального писателя Л.Н. Толстого. Известные критики и публицисты — Добролюбов, Писарев, Чернышевский также много внимания уделяли педагогике. Ушинский по своему образованию тоже не был педагогом, — он кончил курс на юридическом факультете. Первые годы, правда, читал в течение четырех лет лекции по энциклопедии законоведения в Ярославском лицее, но затем перешел на службу в департамент иностранных исповеданий — и только с 1855 года сделался преподавателем Гатчинского сиротского института, когда ему было уже более тридцати лет (Ушинский родился в 1824 году).

Такое тяготение разнообразных преподавателей нашего образованного общества в период 50-60-х годов к педагогике легко объясняется тем, что назревшие потребности нашего отечества находились в резком несоответствии с всюду царствовавшей тогда темнотой и невежеством. По словам Е.Н. Водовозовой, в то время «всю Россию единодушно охватило лихорадочное стремительное движение вперед: все вдруг точно по мановению волшебного жезла бросились учиться и учить других, начали думать, читать, высказывать вслух свои мысли, требовать от всех для всех широкой общественной деятельности, просвещения всех классов общества без различия пола, сословия, материального достатка». В дореформенное время, по свидетельству того же автора, высшее сословие, дворянство, воспитывало своих детей преимущественно в закрытых учебных заведениях — в кадетских корпусах, институтах и пансионах, причем «главной педагогической целью как в женских, так и в мужских закрытых учебных заведениях были: строгий порядок, дисциплина, выправка, в военных заведениях — солдатская, в институтах — салонная, светская». Вся воспитательная среда (семейная, школьная и общественная) была тогда настолько неблагоприятна, что «в плоть и кровь русского человека всосалась масса пороков: разнузданные страсти и преступные вождения, барство, ложь, боязнь мысли, отвращение к умственному и физическому труду, отсутствие инициативы, наблюдательности, интереса к общественному делу и общечеловеческим идеалам».

О воспитании и образовании народа в первой половине XIX века говорить не приходится, так как ни того ни другого почти что совсем не существовало. Так, например, даже в конце 60-х годов в Ветлужском уезде Костромской губернии, по данным профессора Янсона, число безграмотных мужчин достигало 95,2 проц., а число безграмотных женщин — 99,7 проц.

Об Ушинском написано у нас много сочинений, статей, заметок. В.Чернышева приводит список статей об Ушинском за пятидесятилетие: 1857—1907 годы. В этом списке, далеко не полном, насчитано 404 статьи. За последнее десятилетие число таких статей, конечно, значительно увеличилось, и значение Ушинского для русской педагогики с течением времени оценивается все выше и выше. Многие полагают, что Ушинский сделал для России в деле воспитания и образования то же, что Песталоцци для Швейцарии, Диесперов для Германии и т.п. С именем Ушинского связывают у нас многое: устраиваются разные общества, кружки, съезды имени Ушинского, учреждаются конкурсы для соискания премии его имени за педагогические сочинения. Наконец, несколько лет тому назад открыта всероссийская подписка на сооружение ему памятника. Через 2 года с небольшим, 21 декабря 1920 года, исполнится 50 лет со дня его кончины. Было бы очень желательно, чтобы явилась возможность приурочить к этому сроку открытие его монумента. Отечество должно наконец увековечить память одного из лучших своих сынов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Янсон Юлий Эдуардович* (1835-1893) — русский статистик и демограф, профессор (1871), член-корреспондент Петербургской АН (1892).
2. *Водовозова Елизавета Николаевна* (1844-1923) — детская писательница, педагог, мемуаристка. Главной работой Водовозовой считается книга «Жизнь европейских народов: Географические рассказы».
3. *Каптерев Петр Федорович* (1849-1922) — российский педагог и психолог, работал периодизацию развития российской педагогики.
4. *Грановский Тимофей Николаевич* (1813-1855) — историк, общественный деятель, профессор Императорского Московского университета (ИМУ).
5. *Редкий Петр Григорьевич* (1808-1891) — правовед, профессор ИМУ.
6. *Чумиков Александр Александрович* (1819-1902) — педагог, писатель.
7. Возможно, имеется в виду *Фридрих Адольф Вильгельм Дистервег* (1790-1866) — немецкий педагог и либеральный политик, выступавший за секуляризацию школ.
8. *Норов Авраам Сергеевич* (1795-1869) — российский государственный деятель, ученый, путешественник, писатель.
9. *Стоюнин Владимир Яковлевич* (1826-1888) — российский педагог и публицист, впервые представил методике преподавания литературы как целостную систему.
10. *Лесковский Матвей Леонтьевич* (1843-1903) — публицист, писатель, педагог.
11. *Пирогов Николай Иванович* (1810-1881) — хирург, патологоанатом, педагог, общественный деятель, мемуарист.
12. Первые два тома вышли в 1868 году, третий том окончен не был.

Окончание следует.